

Мы были нормальными городскими пацанами, и, кроме учебы в школе, у нас хватало времени и на вечерние сборища с гитарами по подъездам, и на занятия в спортивных секциях, и на разные творческие кружки во Дворце пионеров — бальных танцев, радиосвязи, резьбы по дереву.

Мои родители получили новую квартиру в Нагорном микрорайоне, когда я учился в шестом классе, и мне пришлось менять школу. Кроме меня, в новом классе оказался ещё один новичок — Вовка Карпов, невысокого роста, рыжий и веснушчатый; его все сразу же стали звать Карпухой. Естественным образом мы с ним оказались за одной партой, а потом и подружились.

Не помню, кто был главным зачинщиком, но мы решили записаться в какую-нибудь спортивную секцию — это давало бы нам право не ходить на уроки физкультуры, а только сдавать раз в четверть определённые нормативы. Почему-то начали мы с секции гребли; наверное, потому, что мать у Карпухи тоже когда-то в молодости занималась греблей и была даже какой-то чемпионкой, по его словам.

На водной станции «Динамо», что располагалась чуть повыше Окского моста, мы познакомились с тренером по гребле на байдарке, звали его то ли Иван Иванович, то ли Сан Саныч — не помню. Он нас

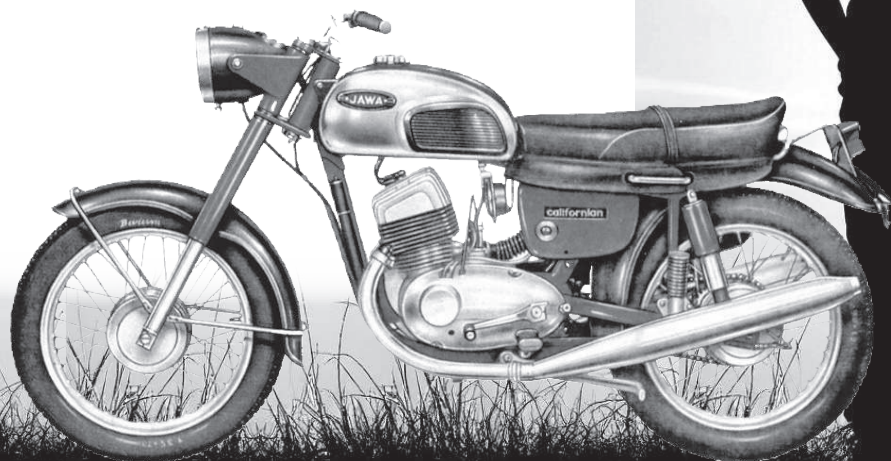

Олег РЯБОВ

г. Нижний
Новгород

«ЯВА-350»

РАССКАЗ

расспросил о нашем житье-бытье и велел приходить на другой день.

Начиналась осень, светило холодное сентябрьское солнце, на лодочном дощатом тренировочном причале стояли несколько ребят и наш тренер Сан Саныч. Тут же лежали две парных распашных байдарки, да на воде, выше по Оке, ещё видны были две распашных «двойки»: одна шла вверх, а вторая подходила к причалу. Тренер спросил у нас, умеем ли мы обращаться с веслами, а мы радостно закивали головами: «Конечно-конечно!» Скинув курточки и брюки, мы остались в трусах и майках, а двое ребят помогли нам устроиться в байдарках и оттолкнули её от причала.

— Давайте посмотрим, как вы умеете с веслами работать, — пробормотал довольно язвительно Сан Саныч.

Мы перевернулись оверкиль через пять минут автономного плавания уже на середине Оки. Вода была очень холодная. С большим трудом, таща за собой тяжеленную посудину, мы выгребли на Гребные пески, которые теперь на пески уже не похожи, а похожи они на большой остров, заросший ивняком и камышами; а когда-то тут был городской пляж. В тот день на этих песках у костерка с бутылочкой, да и не с одной, отдыхали какие-то ребята. Они с интересом наблюдали всё наше купание и пустили нас погреться у огонька и даже угостили пропустить по глоточку вермута, которого у них было в избытке. Мы сделали по два или три глотка прямо из бутылки. Так мы с Карпухой потеряли свою алкогольную «девственность».

Сан Саныч и двое его подопечных учеников подкатали к нам на «Москвиче-каблучке» на удивление быстро. Нас колотило, как при хоре, мы дрожали всей своей шкурой. Сан Саныч привез нам наши одёжки и развёз по домам. И если я просто простудился и, пролежав с неделю дома под одеялом, пошел в школу, то у Карпухи всё оказалось куда серьёзнее: он слег в больницу с двусторонним воспалением легких и появился в классе только через месяц. В общем, с греблей было покончено раз и навсегда.

Но поиск подходящей нам спортивной секции продолжился, и вскоре мы оказались в спортивном зале Клуба чекистов, в секции

бокса. Хотя и тут нам не очень повезло: через два дня Карпухе на ринге в пробном спарринге сломали нос, а я проходил с симптомом очков тоже несколько дней. Зато там же, в Клубе чекистов, мы познакомились с великим тренером по фехтованию Юрием Казанджаном. Это был действительно великий человек, воспитавший Свешникова и Шишову.

Сейчас героями снов и грёз молодежи становятся какие-то Катя Лель да Катя Огонёк, да непонятный Прохор Шаляпин, да сомнительный Дима Билан. В наше время на эстраде мы признавали только Людмилу Зыкину и Леонида Утесова. Зато спортивных героев, которым рукоплескал мир, в честь которых звучал гимн СССР и которых стоя приветствовали и президенты США, и королева Англии, мы всех знали по именам с подробностями их достижений и побед. Перечислить? Не буду! Казанджан был тем человеком, который выращивал чемпионов.

В секцию по фехтованию мы сходили тоже пару раз и забросили: скучным нам показалось это занятие.

Потом наступил Новый год и зимние каникулы. Мы целые дни проводили или на лыжах, или на дворовой хоккейной коробке. Только один из наших одноклассников Толик удивлял нас: он три дня подряд ручной ножовкой пилил толстенную свалившуюся у нас на школьном дворе старую липу. Нам он рассказал, что ходит во Дворец пионеров в кружок резьбы по дереву и их руководитель велел всем, кто сможет, принести обрезки липы. Мы с Карпухой помогли Толику и на трамвае отвезли во Дворец пионеров три приличных липовых чурбака.

В вестибюле Дворца пионеров мы стояли разинув рты: это был действительно дворец. На стене висело расписание занятий кружков и секций, которых было великое множество.

— Давай запишемся в авиамодельный кружок, — сказал Карпуха.

— Зачем? — спросил я.

— А мы с тобой потом лётчиками станем.

— Ну, давай, — ответил я.

Хотя я никогда не хотел стать летчиком или космонавтом — я с детства хотел стать либо садовником, либо дирижером.

Так мы попали в авиамodelьный кружок, которым руководил Александр Фёдорович, мужчина лет тридцати пяти, и в который, кроме нас, раз в неделю, по четвергам, ходили ещё шесть человек — ребята наших лет и постарше. Правда, в полном составе мы никогда не собирались: приходили обычно четверо или пятеро. У каждого из нас был свой стол или верстак, и каждый был занят своей работой или моделью. Старостой нашего кружка был парень старше нас года на три, звали его Борис.

Александр Фёдорович был мужчина серьёзный, даже суровый, из бывших военных. Кроме авиамodelьного кружка, он вел ещё и судомodelьный, и секцию плавания. Бассейн Дворца пионеров находился в отдельном здании тут же, рядом с дворцом. С нами он не позволял себе никакого амикошонства, требовал точности и порядка и матом ругаться не разрешал. Правда, в качестве любопытного развлечения каждый раз после занятия, пока мы убирали свои рабочие места, он травил нас с серьёзным видом какую-нибудь байку. Как правило, эти байки были про его мнимых друзей из довоенного детства, а может, и послевоенного, в общем, про бандитов. Пока мы убирались, он садился на верстак, закуривал свой «Казбек» и начинал всегда как-то так:

— Так вот, помнится, мой сосед по дому, Славка Сорокин по кличке Курыга, после очередного побега из лагеря. А сидел он за колючкой под Пермью за разбой, залез в наш сарай, который стоял во дворе, чтобы перекантоваться. Я его там обнаружил, когда ходил за дровами, принес одёжку-другую попрличнее, и пару бутербродов принес. Он мне тогда и рассказал, как бежал из лагеря по трубе канализационной, полз десять километров по параше на карачках до какой-то речки, куда сливалось всё это добро. Потом два месяца шел по тайге пешком до Красноярска, а это триста километров. Вы кто-нибудь когда-нибудь бывали в Красноярске? Красноярск — это столица золотодобычи. Там есть ресторан «Огни Енисея», где местные старатели расплачиваются только золотом. У каждого есть свой мешочек с золотым песком, и у каждого есть своя алюми-

вая кружка, которой они только и пользуются, когда спирт пьют, как старообрядцы. Пьют там только спирт: пять шестьдесят две бутылка, на этикетке так и написано «Спирт питьевой». И, если такой пьяный старатель-золотодобытчик заснет за столом, его никто не смеет тронуть или разбудить. А мой сосед Курыга не знал этого, украл у одного мешочек с песочком золотым и не понимает, что теперь ему делать. С одной стороны, у Славки наколка есть на языке «ВОР», и никто ему не предъявит, что он у какого-то фраера украл золото, а с другой — нарушил он местный обычай, а это наказывается так же сурово, как и воровские понятия. Только он пожевал и рассказал свою историю, как в открытую дверь сарая мы увидели, как к нам подходят три милиционера с пистолетами в руках. А Славка тут выхватил из-под ящика свой пистолет и начал в них стрелять. Только недолго он стрелял: первая же милицейская пуля попала ему в лоб.

Каждый четверг, сметая стружки со своих верстаков, мы слушали занимательные истории из жизни нашего руководителя.

Карпуха мастерил очень большой планер, а я делал кордовую модель, которую мы испытывали через месяц, стоя прямо в снегу во дворе за Дворцом пионеров; там была удобная площадка. На ней стоял фонтан с чугунным Русланом, держащим за бороду взлетающего Черномора, но места для кордовой модели хватало. Ребята постарше делали две таймерных модели, которые планировалось испытывать в мае. Я же стал помогать Карпухе: резал из бамбука тонкие палочки, которые гнул над пламенем спиртовки, чтобы потом из них изготавливать нервюры для крыла.

В начале мая Карпуха со своим планером занял первое место на городских соревнованиях.

Мы уже знали к тому времени, что Александр Фёдорович — бывший летчик-испытатель, майор в отставке. Работал он когда-то на 21-м заводе, испытывал «МиГи», и уволен был в запас после того, как отказался идти в испытательный полет, в котором вместо него погиб его товарищ и наставник Герой Советского Союза полковник Иван Сергеевич. Наш руководитель отказался идти в полет, зная, что есть

серьезная недоработка, на которую он указал техникам при подготовке, но которую те не исправили. Эту историю он тоже рассказал нам, как всегда, очень сочно и без шуток.

А в мае произошло ещё одно важное событие. Если зимой и в начале весны за нашим руководителем приезжала дама на «Москвиче» и забирала его с собой, и мы её почти не видели, то в мае мы её разглядели и познакомились.

Её звали Лиана. Ей было лет двадцать пять, и сквозило из неё что-то мальчишеское, спортивное и в то же время очень сексуальное: светлые волосы, короткая стрижка с челкой, курносая, глаза цвета спелой вишни, полные губы, постоянно насмешливый взгляд, одета она была всегда в джинсы «Ли» небесно-голубого цвета, короткие сиреневые сапожки и часто сменяемые белоснежные блузки или футболки. Приезжала она теперь не на «Москвиче», а на мотоцикле «Ява-350» ярко-красного цвета с огромными хромированными выхлопными трубами. Для нашего детства «Ява-350» была символом богатства и свободомыслия: примерно как сегодня «Харлей-Дэвидсон». Этот аппарат проносился по улицам красной молнией, блистая своими выхлопными трубами. «Иж-56» тоже был мощным аппаратом, но не было в нем изящества и шика — рабочая машина.

«Москвич» стоял теперь в гараже Дворца пионеров.

Между делом наш Фёдорыч как-то обронил, что это он купил и подарил Лиане такую игрушку: уж больно ей хотелось «Яву-350»! Мы верили: летчик-испытатель, даже в отставке, может себе позволить делать такие подарки любимой девушке. Мы все тогда были влюблены в Лиану: и пацаны постарше, и я, и, конечно, Карпуха. С нами она обращалась по-товарищески, но чуть-чуть снисходительно, а вот в отношениях нашего руководителя и его пассии чувствовались взаимное доверие, внимание и забота: всё по-взрослому. Когда они что-то обсуждали, было на них приятно смотреть — красивыми они мне тогда казались в паре.

Май и июнь для нас, авиамоделистов, был периодом проб и соревнований. Хотя и начались школьные каникулы, но все наши ребя-

та, занимавшиеся в кружке, остались в городе. Собирались теперь два раза в неделю. Свои кордовые модели и планеры мы испытывали и во дворе Дворца пионеров, и на стадионе «Динамо», а вот таймерные возили на ипподром, который находился на краю города. Лиана часто ездила на такие пробные испытания и на соревнования вместе с нами.

Предварительно готовилось топливо для наших моторных моделей; оно делалось из смеси эфира и керосина с добавкой масла. Варил эту смесь только Александр Фёдорович лично, а воняла эта гадость отвратительно. Из гаража выгонялся автобус «Кубань», в него грузились мы и наши летающие мечты. За рулем сидел всегда сам Фёдорыч.

Сейчас, спустя почти полвека, мне становится очевидным и очень зримым, как их с Лианой симпатии развивались, а точнее, менялись в течение этих последних двух месяцев. Если в начале мая их нежность по отношению друг к другу просто резала нам глаза, хотя они и старались скрыть её от нас, то в конце июня, когда случилась беда, появилось уже в этих отношениях напряжение. Александр Фёдорович иногда прижимал свою Лиану к себе, а она что-то шептала ему задумчиво.

«Ява-350» весит почти сто пятьдесят килограммов, и если мотоцикл упадёт, то субтильной девушке или пацану наших лет поставить его снова на колёса в одиночку было довольно проблематично. Кто как-то неаккуратно задел мотоцикл в тот день или сама Лиана неправильно выставила подножку — сейчас уже и не важно, только машина оказалась лежащей на земле. Лиана бросилась его поднимать, и Карпуха стал ей помогать, а потом и я подскочил — мы вместе смогли всё исправить.

А Лиана, чуть-чуть согнувшись, отошла к скамеечке, стоявшей у стены, и присела. Тут из помещения вышел Александр Фёдорович.

— Саша, — позвала она его, — у меня, кажется, беда.

— Что случилось?

— Кажется, у меня всё кончилось.

— Что кончилось?

— Вызови скорую помощь.

Лиана держала свои руки в промежности, но мы всё равно заметили, как её небесные джинсы меняют цвет, пачкаясь кровью.

— Помогите мне! — крикнул Фёдорыч нам с Карпухой.

Мы втроем смогли усадить Лиану в автобус, не дожидаясь скорой, и они уехали.

— А что случилось-то? — спросил у меня Карпуха.

— Что-что, — передразнил его Борис, наш староста, — выкидыш у неё случился, ребеночка она потеряла. А может, и Фёдорыча тоже потеряла.

Пацаны разошлись по домам: кто через полчаса, кто через час — мы с Карпухой сидели до темноты.

На следующий день мы приехали во Дворец пионеров, но руководство нам ничего вразумительного про Фёдорыча и про мотоцикл не сказало. И через день мы тоже приходили, хотя ничего интересного и важного не узнали; нам просто сказали в дирекции, что до сентября авиамодельный кружок работать не будет.

Но в сентябре мы с Карпухой в кружок почему-то не пошли.

И до сих пор я ничего не знаю про Фёдорыча.

А вот Лиану и «Яву-350» помню очень хорошо.

ЮЛЬКА С ТРАССЫ

Рассказ

Городок наш — не миллионник, конечно, но и не деревня какая-то: тысяч сорок население. И история у нас есть многовековая, и особняки каменные с разными архитектурными излишествами сохранились от купцов наших исторических первогильдийных, и четыре завода больших, и с десятков фабрик совсем не местного значения, и кафе, и рестораны свои есть, и Дворец культуры. А вот в головах у жителей наших все равно что-то деревенское: все всё про всех своих знают и тема эта интересна для них в первую очередь, а к приезжим полная остуда и даже контры попервоначалу необъяснимые будут. И про каждого своего земляка у людей всегда уже сформировано устоявшееся

мнение. Такое положение и в центре, и на выселках, где ещё козы в огородах пасутся, и в новом микрорайоне с многоэтажками.

Вот как образуется общественное мнение — для меня полная загадка. Один и тот же факт одного грязью мажет, а другому — в копилку.

Юлька училась с моей племянницей Настей в одном классе, и потому я помню её с детских лет. Жила она в доме собственном с отцом и с матерью, девочкой была примерной. Мать — учительницей в школе, отец — начальником смены был на заводе прицепов, только умер рано, сорока не было, раздавило его блоком бетонным при аварии на производстве. А в пятнадцать лет (я этот момент даже помню) в течение одного лета преобразилась эта девочка невероятно и превратилась в писаную красавицу, да такую, что все мужики на улице невольно останавливались и даже оборачивались, чтобы понять, что же это за чудо. Кроме девичьей красоты и неуверенного пока кокетства была у неё внутри ещё какая-то тайна, — та тайна, за которой мужики всегда и охотятся.

После школы и Юлька, и Настя моя пошли на ткацкую фабрику работать: полгода — ученицами, а потом — в цех. Женихи вокруг Юльки тогда тучей ходили. А она — кокетничать кокетничала (а куда же деваться, если такая природа), но обжиматься по углам — нет. Это было известно — народ всё знает. Только случилась некрасивая история.

Ткацкая фабрика наша располагалась на краю городка, прямо на обочину федеральной трассы выходила. В смысле логистики это было удачно — трейлеры большегрузные легко забирали продукцию с фабрики и шли дальше, не приходилось им мотаться по городу. И вот как-то раз Юлька пропала: главное, видели люди, что заташили её чуть ли не силком в такой тягач и увезли. По крайней мере, так рассказывали. Вернулась Юлька через два дня — такая же веселая, улыбчивая, красивая, и никому ни гу-гу, ни слова про то, что произошло. А через месяц снова такая же история: видели люди, как вышла она на трассу, подхватила её какая-то машина и увезла. А вернулась она только на следующий день. Потом уже чуть ли не каждую неделю она стала на день или на два пропадать.

Вот тут и заработало гадкое сарафанное радио. Дело в том, что там, на трассе, на выезде из города, постоянный пост держали наши девушки с пониженной социальной ответственностью, которые зарабатывали на жизнь своим сладким местом. Таких везде хватает. И стали про Юльку тогда всякое наговаривать: что, мол, она и «простигосподи», и давалка обыкновенная, и что ей очень деньги нужны на наряды. И стали бабы наши меж собой звать её «Юлькой с трассы». А она — будто и не слышит: ходит, улыбается, со всеми здоровается.

А в конце лета привезла Юлька к себе домой молодого мужика Николая: «Жених, — говорит, — мой!» Познакомила его с матерью, познакомила с соседями, объявили свадьбу через месяц. Соседки с их гнилыми языками глупо улыбались и глаза отводили, когда с ним знакомились, но ничего — приняли. Николай был, оказывается, наш, местный, только жил последние годы в городе, в областном центре. Он был лет на десять старше Юльки, водитель фуры большегрузной, мужик добродушный, хозяйственный и отзывчивый — если кто-то его просил помочь по хозяйству, он никогда не отказывал. А мог он и проводку электрическую поправить, и приварить металлическое что-то, и по сантехнике был специалистом неплохим. В общем, приняли его и наши бабы, и наши мужики, а про Юльку вообще рты зашили.

Я с ним тогда тоже познакомился. Николай пару раз в месяц уходил в рейсы на несколько дней, зарабатывал он очень неплохо: сто пятьдесят-двести тысяч за рейс — правда, на взятки гаишникам да на штрафы уходило до пятидесяти тысяч. Рассказывал он мне тогда, что его товарищ умудрился как-то за лето во время уборочной заработать два миллиона, из которых полмиллиона ушло на штрафы за перегруз — за перегруз самые большие штрафы: разрешается везти двадцать тонн, а он грузился до сорока.

Был у Николая собственный тягач «Вольво», а такой аппарат стоил миллионов под пять по тем временам.

Только вот до свадьбы Юлькиной я тогда не дотянул: перевели меня на работу в областной центр, а потом и совсем как-то потерял из виду

и Юльку, и Николая её. Хотя навещал я свой родной городок по работе почти регулярно, раз в полгода, но никого из родных у меня там уже не осталось — разлетелись все, а потому и поездки эти получались чисто служебными. Слышал, правда, от общих знакомых, что Николай после начала войны в Донбассе сначала таскал гуманитарные конвои в Луганск, а потом продал своё «седло» (так называют в народе эти тягачи), отдал деньги Юльке своей и остался там воевать.

И вот спустя сколько-то лет после тех времен оказался я в родных своих местах в очередной раз и, проходя по центральной площади мимо храма нашего Рождества Пресвятой Богородицы, резануло что-то мне глаз. А резанул меня вид необычной женщины — маленькой, хрупкой на вид, в допотопном стеганом ватнике, платке пуховом и в юбке черной в пол. Издали она была похожа на какую-то карикатурную старушку. Она стояла сбоку от крыльца храма, держа за поручень инвалидную коляску, в которой сидел молодой интересный мужчина — он что-то увлеченно говорил женщине и жестикулировал. Я рассмотрел их издали повнимательнее и нерешительно подошел ближе — это были та самая наша Юлька с трассы и её Николай, которых я всё ещё хорошо помнил.

Они меня тоже вспомнили и приветливо поздоровались, будто виделись только вчера.

Расспрашивать про чужую беду носителей её не очень-то вежливо, хотя любопытство и раздирало меня. Но они и сами сразу поняли это и пустились в рассказ. Заговорил Николай:

— Видишь, как наша жизнь повернулась? А хотелось совсем по-другому. Юльку мою жалко! Ей бы жить да жить, детей рожать, воспитывать, хозяйство домашнее вести, людей радовать, а она вся теперь на меня замкнулась. Я ведь сразу загорелся этой идеей освобождения Донбасса, сразу после того, как Крым стал нашим. Не понимаю я ничего в экономике и в политике, только считаю, что виноваты в этой случившейся беде наша разведка и министерство иностранных дел, что довели до кошмара такого. Что же они не разглядели-то ничего, что ли, что там творится? Считали, что хохлы — наши братья, всегда будут с нами! Вот с Грузией для них была вроде как проблема — надо

решать. Вот с Прибалтикой сраной — беда: надо что-то делать! А Украину-то и проморгали! Не нужна, значит, была им Украина, а теперь локти-то и кусают. А те, кому она по-настоящему была нужна, — американцы — не проморгали! Миллиарды туда ввалили и не прогадали — всё перестроили, как им нужно было. Теперь там, во всей Украине, — одни враги наши, на десятилетия враги, вся Украина нашими врагами заполнена.

Я ведь почти сразу вступил в какой-то батальон национальной обороны Луганской республики. Это уже после Дебальцево было. А провоевал всего пару месяцев: без ног остался, раздробило мне их. В общем-то, не жалею: всё что мог сделать, я сделал! Я бы и сейчас пошел туда воевать, да только уже не смогу. А фашистов этих надо бить и бить! Юлька жалко. Я ведь контрактов никаких не подписывал и полноценным военнотружеником нашим тоже не оказался. Юлька тут стала письма писать, ходить по военкоматам, по всяким комиссиям и инстанциям, а там плечами пожимают. Это сейчас — контрактники, они за бабки воюют, а не за идею, как любые наемники во всем мире. Я запретил ей ходить и просить! Сказал, что меня никто не просил идти воевать и ты у них ничего не проси! Считут нужным — сами должны прийти и предложить! Конечно, друзья в Луганске остались, они помогают, поддерживают, помнят и грошики небольшие присылают. А ещё храм, конечно! Слава Богу, руки целы остались — могу ещё в храме что-то пособить. Только в таком положении оказавшись и понимаешь, что дорога к храму всегда открыта.

Юлька во время всего монолога Николая молчала и смотрела на меня, приоткрыв рот. Маленькая, серенькая, а глаза горят, как вишни черные. Дай Бог тебе сил, Юлька... Юлька с трассы.

ЗАПАХ ЛЬДА

Рассказ

Нет, не было ни льда, ни зимы. Просто он, Иван Архипович, профессор, заведующий кафедрой мировой ли-

тературы университета, не мог понять, как у него стерлись из памяти до серой, плохо различимой, даже выгоревшей картинки события тех трех дней. Что-то, а уж на память свою он никак не мог пожаловаться: и тексты любой сложности мог цитировать часами, и Гомера на греческом, и Шекспира на английском, и из классики русской помнил изрядно: «Евгения Онегина» и «За далью — даль» мог цитировать с любого места и до вечера. Конечно, он улыбался, когда ему говорили, что Дима Быков знает на память две тысячи самых разнообразных стихотворений, но и сам он помнил не одну сотню. А вот что и как тогда произошло в тот день, три месяца назад, он не мог восстановить в голове, даже сконцентрировавшись, — произошло что-то катастрофическое, а в памяти один пшик!

Восемь утра. Выпив на кухне чашку кофе, он зашел в спальню, чтобы одеться и отправиться в университет.

— Ваня, открой форточку, что-то душно, — произнесла сонным голосом его супруга Соня, продолжая нежиться в постели.

Иван Архипович приоткрыл фрамугу окна, наклонив её, — такие теперь форточки, — дохнуло сырым воздухом весны, и пошел себе в кабинет, чтобы просмотреть на компьютере почту. Сидя перед ноутбуком за своим рабочим столом, он услышал, как его Соня захрипела — последние годы она стала иногда храпеть, но не сильно, и он уже привык к этому явлению и не раздражался. Но в этот раз что-то необычное послышалось ему в храпе — заволновался. Поднявшись из-за стола и пройдя к Соне в комнату, он увидел её, лежащей поперёк их общей большой двуспальной кровати, с раскинутыми руками, одеяло было сброшено на пол, а сама она показалась ему в тот момент большой и расплющенной, губы её трепетали, издавая хрип. Он сразу понял в тот момент, что произошло что-то плохое и, возможно, необратимое, бросился к постели, пытался приподнять Соню, взять на руки, истерично зовя её по имени, но это был уже конец.

А дальше и случилось то, что он сам теперь называл провалом в памяти: он не помнил, как и в какой последовательности в его комнате

оказались дочка Аня с мужем, племянница, милиция, врачи и ещё какие-то люди. Потом были похороны, поминки, девятый день, сорочковой и люди-люди-люди: друзья, знакомые и незнакомые — много людей. На похороны приехали товарищи из области, из Москвы, из Казани, звонили с соболезнованиями из Америки, из Израиля, из Латвии. Городской департамент культуры предложил свою помощь по организации похорон. Соня была не только крупным ученым-искусствоведом, но и, несмотря на свой пенсионный статус, продолжала оставаться значительной общественницей, членом каких-то советов, фондов, и огромное количество проектов замыкалось на его Соню: она была видным в стране синологом.

А потом, после похорон...

Только после похорон он понял, что всё последнее время жил в чужом мире, в чужом для него. Теперь каждый день, возвращаясь из университета с лекций в свою квартиру, он попадал в Сонин мир. Он ощущал это всем своим нутром, всем существом: картины и фотографии, любовно оформленные в рамки, немыслимое количество подушек на креслах и диванах, салфетки, накидушки, вся мебель, всё устройство их жилища, которое всегда казалось Ивану Архиповичу привычным, естественным и уютным, вдруг стало для него чужим: всё это было создано заботой и стараниями его Сони. Оказывается, это был её дом, а совсем не его. И он это каждый раз теперь физически ощущал, чувствовал, что его личный персональный уют вдруг оказался чужим.

На стенах их большой профессорской квартиры в доме сталинской постройки висели десятки картин, но их развесила Соня в понятном ей одной порядке, с определённым важным для неё смыслом. Да, многие из этих картин были подарены Ивану Архиповичу авторами-художниками, друзьями, учениками, но здесь, дома, они становились предметами интерьера, ответственность за который несла уже Соня.

В спальне, кроме большой их общей кровати, были два миниатюрных комодика, на которых стояли часы, ночная настольная лампа и большое количество каких-то шкатулочек и статуэток. Все ящики этих комодов были заби-

ты документами, открытками, письмами, приглашениями, грамотами и прочими женскими заботами: бижутерией, косметикой, коробочками непонятного назначения, кошельками, сумочками, лекарствами и разной мелочью, предназначения которой Иван Архипович не знал и даже не представлял. Шкаф-стенли был основательно загружен рубашками, трусами, носками, постельным бельем, скатертями, корбками с обувью, и Иван Архипович, который никогда не заглядывал в этот шкаф, боялся теперь даже попытаться разобраться в нём.

Вторая комната, которая была когда-то детской, уже двадцать лет как стала их общим рабочим кабинетом: письменный стол, которым пользовался Иван Архипович, стоял у окна, но давно уже появился тут в углу ещё и маленький журнальный столик с ноутбуком перед глубоким мягким и неудобным креслом, которым любила пользоваться его Соня. Открытый стеллаж от пола до потолка во всю стену был забит книгами, журналами, альбомами с фотографиями, никому не нужными уже видеокассетами и папками с рукописями, но, когда требовалось найти что-то важное, профессор за помощью всегда обращался к своей Соне: только она знала, где стоит то или иное издание.

Он часто вспоминал и любил рассказывать друзьям в качестве анекдота случай, как в отсутствие Сони пытался разыскать на полках «Петербург» Андрея Белого, чтобы сверить цитату, необходимую для статьи; знал и помнил, что у него есть и дореволюционный вариант, вышедший в издательстве «Сирин», и советский, в серии «Литературные памятники». Найти нужное издание среди залежей из тысяч книг своей библиотеки он не смог: книги стояли не только на стеллажах, но и в шкафах, и на антресолях в коридоре. Потратив на поиски час, с испорченным настроением оделся и пошел в книжный магазин «Дирижабль», чтобы купить книгу. И лишь дойдя до магазина, сообразил, что у него на столе стоит компьютер с подключенным интернетом, где можно было сверить любую цитату. Правда, это было давно, когда интернет ещё не стал ежедневной палочкой-выручалочкой.

Стояла тут, в кабинете, ещё и небольшая горка с набором Сониных безделушек или «амулетов», как их называл профессор; тут были и тибетские бронзовые Будды, и индийские божки, и китайские непонятные черепки, чашки, вазочки. Из всех замысловатых восточных слов, которыми легко оперировала Соня, Иван Архипович помнил только одно — «шинуазри», но что оно обозначает, он точно тоже не знал. Хотя, конечно, он, может, что-то и знал, но уж очень сомневался в правильности его использования.

Правда, нарушал хотя и безалаберный, но продуманный и рабочий стиль кабинета большой угловой платяной шкаф с сезонной одеждой: шубами, пальто, плащами, о существовании и количестве которых Иван Архипович тоже мало имел представления.

Спустя какое-то время после смерти Сони Иван Архипович вроде стал привыкать к новому образу своего существования: обедать заходил к дочке Анюте, благо жила она рядом с университетом, прогуливался по набережной, встречал там знакомых, а потом до самого вечера просиживал в библиотеке. Приходил домой уже поздно, и охватывали тогда его убегающее тепло, тревога и печаль — такое сложное сочетание чувств. Ещё он, пусть и не часто, но стал рыдать — научился. Он не плакал, а просто его неожиданно, приступом начинало трясти и хотелось по-звериному завывать. И он выл, тихонько выл. Соня не отпускала его.

Шло время, и Иван Архипович рационально осознал, что надо как-то перестраивать свой быт, но дочка Аня наотрез отказалась помогать ему в разборе маминых носильных вещей. Она очень жестко посоветовала ему:

— Собери все эти плащи и шубы, трусы и кофты в мешки и отвези в церковь, они там разберутся — кому что раздать. Не будешь же ты торговать всем этим! Постирать — я тебе всё и всегда постираю, накормить — накормлю, а разбирать мамино — это ты стисни зубы и — сам! Ты потом поймёшь, почему так надо.

Профессор понял свою дочь: ей тоже было нелегко расстаться со всем тем, что осталось от мамы.

Как и у каждого человека, у Ивана Архиповича были свои физиологические особенности: к таким он относил своё острое обоняние и прекрасную память на любые запахи. Если большинство нормальных людей смогут почувствовать и даже определить запах чужой незнакомой квартиры, то редко кто сможет сформулировать, а чем же там пахло. Для Ивана Архиповича это не составляло проблемы, и по-прежнему он каждый день чувствовал, что в его квартире пахнет теплом, заботой и Соней — она никуда отсюда не уходила. Это был их общий запах, и его хранила их квартира.

В конце концов, уже по прошествии трёх месяцев он собрался с духом и, разгрузив свои выходные от служебных забот и припася десять специальных больших полиэтиленовых мешков, решил разобраться в шкафу. Он снова просил помочь ему в этом нелёгком занятии свою дочку Аню, но та ответила как-то неопределённо, и пришлось начинать самому.

Двенадцать коробок с обувью он не стал сваливать в мешки, а плотно перевязал их все вместе скотчем, и получалась очень компактная упаковка. Шубы, пальто и плащи он снимал с вешалок и, сворачивая их грубо комом, засовывал в пакеты: от норковой шубы пахло знакомыми духами: то ли «Дали», то ли «Пикассо» — старые духи. Запах он помнил, а вот название — нет; он привёз их когда-то Соне в подарок из Испании. Полушубок из стриженной лисы тоже пах Соней, точнее, Сониными духами; он даже на какой-то миг подумал, что напрасно затеял всю эту операцию по освобождению шкафа от Сониных вещей, а вместе с тем и её запаха. Все остальные платья, плащи и халаты тоже пахли Соней. Его вдруг осенило, и, стыдно сказать, но он стал перебирать всё Сонино нижнее бельё: бюстгальтеры, трусы, рейтузы в надежде найти ещё какие-то Сонины знаки. Но увы, все остальные носильные вещи её были стерильны от личных примет; только лавандой чуть-чуть отдавало: Соня на каждую полку шифоньера обязательно клала пучок лаванды, аккуратно упакованный в специально изготовленный мешочек.

Анюта пришла во второй половине дня, уже после обеда. Она уселась на полу в спальне и

стала перебирать наборы маминых фотографий, лежавшие в комодике и разложенные по пакетам.

— Папка, я тебе оставлю альбомы с фотографиями, а вот эти, которые в пакетах, — заберу. Ты не против?

— Да-да, конечно. Я сейчас, через пятнадцать минут, закончу, и мы с тобой будем чай пить. Я вот тут, в белье, обнаружил набор серебряных ложек — заberi себе.

— Хорошо. Я машину заказала в «Серафиме». Это благотворительная организация, которая собирает вещи для переселенцев с Донбасса. Они со своей машиной приедут в девять утра и всё у тебя заберут. Ты дома будешь?

— Буду.

Разговаривали из разных комнат.

Иван Архипович завязывал последний мешок, когда к нему в кабинет вошла дочь.

— Я тебе там постель перестелила... Всё перестелила. Я сегодня у тебя грязное бельё заберу в стирку.

— Спасибо.

— Папка! А ты что, мамину постель за три месяца так ни разу и не сменил? Там бельё то, на котором она умерла?

— Да. Анютка, ты знаешь, я ночью во сне иной раз руку туда просуну и думаю, что она ушла на кухню. И снова сплю. И вообще, от подушки маминой до сих пор мамой пахнет, и потому мне ночью так спокойно. Своё бельё я

раз в две недели меняю, как ты велела, и тебе отдаю на постирушку — ты знаешь. А мамину постель не трогал.

— Это нехорошо. Пойми — и у меня, и у тебя начинается новая жизнь. Только у меня просто новая, а у тебя — совсем новая. А так — мама тебя не отпустит.

Потом сидели на кухне, пили чай, говорили об общих знакомых, о работе.

Вечером Иван Архипович принял душ. Внутри трепетала радость. Радостно было от общения с дочерью. Радостно было без возбуждения, а — легкая радость... Лёг спать.

Снился сон: зима, их старая квартира в доме «народной стройки», где он жил в детстве, он маленький, а мама с улицы носит в дом постельное бельё, которое висело во дворе на верёвках. Только это не мама уже, а Соня. Бельё замёрзшее, как большие куски фанеры, и пахнет морозом.

Он проснулся, перебрался на Сонину половину постели и обнял её подушку — подушка пахла холодом и льдом.

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Поэт, прозаик. Публикуется с 1968 года. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Север», «Наш современник», «Юность», «Нева», «Дружба народов» и др. Лауреат ряда литературных премий: «Нижний Новгород» в области литературы (трижды), им. В. Шукшина «Светлые души» (Вологда), «Болдинской премии», финалист премии «Ясная Поляна». Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом Президента РФ награждён медалью Пушкина. С 2002 года член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

